

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-8-31>

Научная статья / Research article

Государственно-религиозные институты Российской империи в XVIII – начале XX в.: эволюция отношений «свой – иной – чужой»

А.Ю. Бендин

Институт теологии Белорусского государственного университета,
220030, Беларусь, Минск, пр. Независимости, 24,
bendin26256@yandex.ru

Аннотация: Рассматриваются вопросы формирования и функционирования трех основных государственно-религиозных институтов, которые обеспечивали религиозную безопасность Российской империи в XVIII – начале XX в. Показаны исторические особенности административно-правового становления каждого из названных институтов, выявлены их признаки и функциональное предназначение. Дано определение понятия «религиозная безопасность Российской империи», основанное на анализе его конкретного исторического содержания. Автор рассматривает отношения, сложившиеся между институтами «господствующей» Русской церкви, веротерпимости «иностранных исповеданий» и дискриминации великорусского «раскола» сквозь призму отношений «свой – иной – чужой». Названный подход позволяет выяснить иерархический характер отношений и противоречия, существовавшие между институтами, деятельность которых до 1905 г. регламентировала религиозную жизнь всех подданных Российской империи. В статье анализируется зависимость, существовавшая между «господствующим» правовым статусом Русской церкви, имперской веротерпимостью и религиозной дискриминацией. Автор приходит к выводу, что административно-правовое формирование трех государственно-религиозных институтов, начавшееся в XVIII столетии, завершилось в период правления императора Николая I. С этого времени начинается процесс постепенной эволюции межинститутских отношений «свой – иной – чужой», пик которой, в связи с изданием указов императора Николая II, выпадает на 1904–1906 гг. В статье рассматриваются перемены правительственной политики в отношении великорусского «раскола», которые в конечном итоге сняли оппозицию «свой – чужой» в отношениях между Российским государством, Русской церковью и «расколом». Из категории религиозно и политически «чужих» легализованные старообрядцы и сектанты в соответствии с положениями модернизированного законодательства о веротерпимости перешли в категорию «иных», к которой традиционно принадлежали «иностранные исповедания». В новых правовых и политических условиях нетерпимость и религиозная дискриминация «раскола» перестали быть инструментом обеспечения религиозной безопасности Российского государства.

Ключевые слова: «господствующая» Русская церковь, институт веротерпимости, дискриминация, прозелитизм, «раскол», иностранные исповедания, Российская империя, религиозная безопасность, понятия «свой – иной – чужой»

Благодарности и финансирование: Исследовано поддержано грантом БРФФИ-РФФИ № Г20Р-211 «Образы “своего”, “другого” и “чуждого” в контексте традиции веротерпимости в белорусско-литовских губерниях, центральной и северной России: сравнительный исторический и философско-религиоведческий анализ (конец XIX – начало XX в.)».

Для цитирования: Бендин А.Ю. Государственно-религиозные институты Российской империи в XVIII – начале XX в.: эволюция отношений «свой – иной – чужой» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20. № 1. С. 8–31. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-8-31>

Russian Empire's Religious Institutions in the 18th – Early 20th Century: The Evolution of “Friend – Alien – Foe” Relations

Alexandre Yu. Bendin

Institute of theology Belarusian state University,
24, Nezavisimosti Ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus,
bendin26256@yandex.ru

Abstract: The Russian government's three principal institutions to regulate the empire's diverse religions from the 18th to the early 20th century are examined. Its author describes the evolution of these bodies, their features and purpose, as well as defining the concept of religious security by analyzing its specific historical content. The author also discusses the relationship between the institutions of the official Russian Church, religious tolerance for “foreign confessions,” and discrimination against the Old Believers through the prism of “friend – alien – foe” relations. This approach helps us understand the hierarchical nature of the relations and contradictions that existed between the institutions, whose activities regulated the religious life of the Russian Empire's subjects until 1905. The article goes on to analyze the relationship between the official legal status of the Russian Church, imperial tolerance, and religious discrimination. It concludes that the formation of the three state-religious institutions that began in the 18th century ended during the reign of Emperor Nicholas I. That time saw the beginning of the gradual evolution of “friend – alien – foe” inter-institutional relations, which peaked under Emperor Nicholas in 1904–1906. The author also considers the changes in the government's policy towards the Russian “schism” of the 17th century, which ultimately removed the “friend-or-foe” opposition in the relations between the Russian state, the Russian Church and the “schismatic” Old Believers. In accordance with the modernized legislation on religious tolerance, lawful Old Believers and sectarians moved from the category of religious and political “foes” to that of “aliens”, to which “foreign confessions” traditionally belonged. Under the new legal and political conditions, intolerance and religious discrimination against the “schism” ceased to be an instrument of state policy.

Keywords: the official Russian Church, the institution of religious tolerance, discrimination, proselytism, “schism,” foreign confessions, the Russian Empire, religious security

Acknowledgements and Funding: This study was supported by the BRFFR-RFBR grant No. G20R-211 “Images of ‘friend,’ ‘alien’ and ‘foe’ in the context of the tradition of religious tolerance in the Belarusian-Lithuanian provinces, central and northern Russia: a comparative historical and philosophical-religious analysis (late 19th – early 20th century).”

For citation: Bendin, Alexandre Yu. “Russian Empire's Religious Institutions in the 18th – Early 20th Century: The Evolution of ‘Friend – Alien – Foe’ Relations.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 1 (February 2021): 8–31 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2021-20-1-8-31>

Введение

Одной из ключевых проблем имперского механизма управления являлось обеспечение религиозной безопасности Российского государства, реализуемое посредством правового и политического различения понятий «свой – иной – чужой», которое опиралось на представления о функциональной целесообразности одновременного сосуществования трех институтов: «господствующей» Русской церкви, веротерпимости и религиозной дискриминации. В настоящее время теоретическое осмысление понятия «религиозная безопасность», используемого при изучении практики правового регулирования государственно-религиозных отношений в Российской Федерации, осуществляют правоведы, социологи и философы И.А. Тарасевич, А.И. Овчинников, М.Д. Фоминская, А.В. Жуков, С.И. Самыгин и др.¹

¹ Тарасевич И.А. Религиозная безопасность Российской Федерации. Тюмень, 2013; Овчинников А.И., Фоминская М.Д. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 7–14; Самыгин С.И. Религиозная безопасность общества в контексте обеспечения религиозной свободы и противодействия религиозному экстремизму // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 4. С. 167–179; Жуков А.В. Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Грамота. 2017. № 12. Ч. 4. С. 66–71.

При этом вопросы функциональной востребованности институтов веротерпимости и религиозной дискриминации, созданных Российским государством для обеспечения религиозной безопасности империи, находятся еще на стадии изучения².

Представляется целесообразным применительно к проблематике данной статьи использовать понятие «религиозная безопасность», под которой следует понимать состояние защищенности «господствующей» в Российской империи Русской православной церкви и терпимых «иностранных исповеданий», с одной стороны, и религиозную дискриминацию великорусского церковного «раскола», с другой. Целью данной статьи является изучение проблем обеспечения религиозной безопасности Российского государства, рассматриваемых сквозь призму различения понятий «свой – иной – чужой» на примере политико-правовой эволюции институтов Русской православной церкви, веротерпимости и религиозной дискриминации.

Для достижения поставленной цели предлагается решить ряд исследовательских задач, а именно: рассмотреть основные признаки, функции и эволюцию трех названных институтов, обеспечивавших религиозную безопасность Российской империи в середине XIX – начале XX в.; выявить взаимосвязь между исключительными привилегиями Русской православной церкви, нормами веротерпимости и функциональностью мер по дискриминации великорусского «раскола»; проанализировать изменения в политико-правовом различении понятий «свой – иной – чужой», вызванные новыми представлениями о религиозной безопасности Российского государства, произошедшими во второй половине XIX – начале XX в.

Научная новизна работы заключается в том, что в статье впервые рассматриваются проблемы создания, функционирования и эволюции институтов Русской православной церкви, веротерпимости и религиозной дискриминации, отношения между которыми, определяемые в понятиях «свой – иной – чужой», рассматривались правительством как функциональные, направленные на обеспечение религиозной безопасности Российского государства.

Источниковую базу исследования представляет комплекс опубликованных и архивных материалов, которые были выявлены и проанализированы автором, в том числе документы Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ), Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) и Литовского государственного исторического архива (ЛГИА), опубликованные сборники законодательных актов, дореволюционная публицистика.

Победа Петра I в Северной войне (1700–1721) положила начало созданию Российской империи. В XVIII–XIX вв. в ее состав были включены обширные европейские территории Прибалтики, бывшей Речи Посполитой и Османской империи. Покорение Северного Кавказа, присоединение Закавказья и Средней Азии, освоение Сибири и Дальнего Востока превратили Российскую империю в великую евразийскую державу. Многочисленные этнические группы, инкорпорированные в состав подданных империи, находились на разных уровнях политического, экономического, социального и культурного развития.

В силу указанных причин большие и малые народы, принявшие подданство Российского государства, отличались исключительным этнокультурным и религиозным разнообразием. Русская православная церковь, являясь самой крупной религиозной организацией России, объединяла великороссов, малороссов и белорусов,

² Бендин А.Ю. Феномен российской веротерпимости // *Российская история*. 2013. № 5. С. 143–149; Сафонов А.А. Государство и конфессии в позднеимперской России. Правовые аспекты взаимоотношений. М., 2017; и др.

большая часть которых до 1839 г. пребывала в унии³. Часть великороссов, отколовшихся от «господствующей» Русской православной церкви, оказалась в положении религиозно дискриминируемого меньшинства, официально именуемого «расколом».

В свою очередь, нерусские народы империи исповедовали различные направления христианства – католичество, протестантизм, армяно-григорианство, а также нехристианские религии – ислам, буддизм и иудаизм. Существовали также малые народы Севера и Дальнего Востока, которые относились к поклонникам пантеистических культов или «язычникам». Несмотря на свой евразийский масштаб и религиозно-этническое многообразие, Российская империя в силу абсолютного преобладания в ее составе русского православного народа и неправославных христианских народов представляла собой европейское государство. Важнейшим признаком этнокультурной идентичности подданных империи было вероисповедание, определявшее групповую принадлежность в большей степени, нежели язык⁴.

В Российской империи конфессиональная принадлежность подданных носила наследственный характер, а «страх Божий» рассматривался законодательством как необходимое условие законопослушного и нравственного поведения верующих. Духовенство и миряне всех конфессий и религиозных общин, включая и дискриминируемые общины старообрядцев и сектантов, должны были возносить молитвы за здоровье императора, чтобы он царствовал на благо России. Тем самым самодержавный монарх, будучи «верховным защитником» православной церкви и «покровителем» неправославных конфессий и религиозных общин, получал религиозную санкцию своей легитимности⁵.

Религиозно-этническое и культурное многообразие евразийской империи, управляемой самодержавным православным монархом, предопределило характер и содержание угроз политической и религиозной безопасности Российского государства и «господствующей» Русской церкви. Со времени формирования Российской империи и до середины XIX в. в отношениях государства и Русской православной церкви с «иностранными исповеданиями» в качестве главной религиозной угрозы выступал прозелитизм по отношению к православному населению, а также взаимный прозелитизм среди «инострannого» духовенства и мирян⁶. Прозелитизм был запрещен законодательством о веротерпимости и рассматривался как основная причина межрелигиозных конфликтов⁷.

В качестве угрозы общественному порядку и церковному благочинию законодатель рассматривал также богохульство, святотатство, распространение ересей и расколов, межрелигиозные конфликты, проявления религиозной нетерпимости и наси-

³ Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по заветанию автора. СПб., 1883. Т. 1. С. 45; *Шавельский Г.* Последнее воссоединение с Православной церковью униатов Белорусской епархии. СПб., 1910. С. 378; *Оржеховский И.В., Теплова В.А.* «Польский вопрос» и правительственная политика на территории Беларуси в первой половине XIX в. // Выбранные научные работы БДУ. Минск, 2001. С. 85–87; *Романчук А.* Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. М.-Минск, 2018.

⁴ *Тихомиров Л.А.* Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики // Миссионерское обозрение. 1902. № 3. С. 435; *Кантелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 119–120.

⁵ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 1. Ч. 1. Ст. 1, 41–42; Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. Ст. 223; РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 262. Л. 21–22.

⁶ *Павлов А. С.* Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. С. 538; *Красножен М.* Иноверцы на Руси. Юрьев, 1900. Т. 1. С. 177.

⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 215. Л. 17–20; Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской Империи. СПб., 1832. Ст. 78.

лия над совестью верующих⁸. Таким образом, религиозная безопасность Российской империи определялась, в первую очередь, степенью защищенности «господствующей» Православной церкви от внешнего прозелитизма и внутренних расколов.

Начиная с 30-х гг. XIX в. стала возникать религиозная составляющая новой политической угрозы, которую представляли для Российского государства местные национализмы, иррентентизм, этнический сепаратизм, пантюркизм и панисламизм, идеи и практику которых использовало духовенство «иностранных исповеданий» для дезинтеграции империи. В дезинтеграционной деятельности части «иностранного» духовенства присутствовал и геополитический фактор, так как религиозные центры неправославных церквей и нехристианских исповеданий находились за границей. Для российских католиков таким центром был Рим, для армяно-григориан – Константинополь, для мусульман-суннитов – Мекка, Медина и Константинополь, для буддистов – Тибет и Монголия.

Формирование и признаки института «господствующей» Русской православной церкви

В дореформенный период интеграционная политика государства, направленная на инкорпорацию присоединяемых народов и территорий, отличаясь прагматизмом и веротерпимостью, решала, в первую очередь, не экономические, а политико-стратегические задачи; религиозная и языковая ассимиляция не входили в ее цели⁹. Для управления как русскими, так и нерусскими поданными государства в течение XVIII – середины XIX в. были созданы имперские государственно-религиозные институты, которые регламентировали и контролировали религиозную жизнь всех поданных Российской империи: русского большинства (великороссов, малороссов и белорусов), принадлежавшего к «господствующей» Православной церкви, и двух меньшинств – великорусского «раскола» и нерусских этнических групп, которые принадлежали к терпимым «иноверным исповеданиям».

Важными звеньями имперского механизма управления в дореформенный период являлись: Святейший правительствующий Синод как институт права и управления «господствующей» Православной грекороссийской церкви; институт веротерпимости, регламентировавший устройство и функционирование «иностранных исповеданий христианских и иноверных»; институт религиозной дискриминации, объектом воздействия которого являлся великорусский церковный «раскол» (действовал до 1905 г).

Существование трех названных государственно-религиозных институтов права и управления свидетельствует о том, что отношения Российского государства с религиозными организациями не только не предусматривали их равенства в области религиозных прав и привилегий, но и выводили часть религиозных общин из сферы легальности. Сложившие межинститутские отношения укладывались в понятийную триаду «свой – иной – чужой», различия между членами которой были зафиксированы законодательством империи. Религиозное, политическое и юридическое право быть «своим» в этой триаде исторически принадлежало Русской православной церкви как «первенствующей и господствующей» среди религиозных организаций империи¹⁰.

⁸ Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XIV. Ст. 134–138; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XV. Ст. 235–269; *Лебедев В.Б.* Религиозные преступления в законодательстве Российской империи в XVIII – начале XX вв. Псков, 2007.

⁹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). СПб., 1999. Т. 1. С. 62–63.

¹⁰ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1832. Ст. 40, 42.

Известный дореволюционный канонист А.С. Павлов отмечал: «Одна только Православная церковь пользуется прямым покровительством государственной власти, все прочие исповедания только терпимы»¹¹. Исключительное правовое положение Русской церкви в Российском государстве оказывало непосредственное воздействие как на формирование правовых основ института веротерпимости, так и на создание и функционирование института религиозной дискриминации «раскола»¹².

Институт «господствующей» Русской церкви, управляемый Святейшим Синодом, был законодательно включен в сложные механизмы имперского управления и обеспечения религиозной безопасности Российского государства. После введения в действие в 1835 г. «Свода законов Российской империи» все государственное управление в государстве было поставлено на твердую юридическую основу¹³. Утвержденный Николаем I «Свод законов» имел основополагающее правовое значение как для Русской православной церкви, так и веротерпимых «иностранных исповеданий». «Свод законов» кодифицировал сложившееся к тому времени религиозное законодательство империи и юридически утвердил отношения между государством, Русской православной церковью и «иностранными исповеданиями». Закрепленное в документе исключительное положение Русской православной церкви «как первенствующей и господствующей» в империи (Ст. 40) означало законодательное признание православной веры «единой истинной на земле религией, исповедание которой, безусловно согласно с учением Спасителя, его апостолов и учением, и преданием вселенской Церкви»¹⁴. Закрепление в «Основных государственных законах Российской империи» подобного статуса Русской православной церкви стало для законодателя правовым выражением понятия «свой», которому противопоставлялось понятие «иностранный», то есть «иной», отделенный от «своего» религиозными, этно-культурными и правовыми перегородками. При этом понятие «свой» включало в себя, в первую очередь, догматическое, каноническое и политико-правовое содержание¹⁵.

Первенство Русской православной церкви выражалось и в том, что согласно «Основным законам», «Император, престолом всероссийским обладающий, не может исповедовать никакой иной веры, кроме Православной». В отношении к самой церкви император выступал как «верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоты и всякого в Церкви святой благочиния»¹⁶. Следовательно, в обязанность императора входила защита Русской право-

¹¹ Павлов А. С. Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. С. 538.

¹² Литтл Д. Изучение религиозных прав человека: методологические основания // Права человека и религия. Хрестоматия. М., 2001. С. 173.

¹³ Миронов Б.Н. Социальная история России... Т. 2. С. 148.

¹⁴ Добротин Г. П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 88–90; Клобуцкий М.П. Исследование главных положений основных законов Российской империи в историческом их развитии. Харьков, 1839. С. 88–89; Сафонов А.А. Государство и Церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. М., 2011. С. 28–40.

¹⁵ В понятие «свой» входила и этническая составляющая, называемая в терминах XIX в. «русским происхождением». Однако содержательная роль русской этничности была второстепенной, что и признавалось на официальном уровне. В 1890 г. было образовано особое междуведомственное совещание, которое приняло решение расширить содержание этнического понятия «русское происхождение» путем введения в него вероисповедного признака. На этом основании МВД было предложено понимать под «лицами русского происхождения» принадлежащих от рождения к русским поданным и православным. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 39–40; В.А. Тишкова отмечает в этой связи: «Те, кто сегодня называются русскими, в те времена назывались великороссами, украинцы, в свою очередь, назывались малороссами, а вместе с белорусами они считались русскими. Но русскими могли считать или считали себя также представители других национальностей и вероисповеданий, в случае, если они принимали или были от рождения православными». См.: Тишкова В.А. И русский, и российский // Вестник Российской нации. Спецвыпуск 2008–2016. № 51. С. 52.

¹⁶ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1. Ст. 40–42.

славной церкви от «иных» и «чужих», то есть от внешнего прозелитизма со стороны инославных христиан и иноверцев, а также от внутренних расколов старообрядчества и сектантства.

В «Основных государственных законах» получило правовое закрепление как традиционное византийско-московское, так и абсолютистское отношение российского императора к «господствующей» Православной церкви, которая управлялась «самодержавной властью... посредством Святейшего Правительствующего Синода, ею учрежденного»¹⁷. На этом основании церковное управление было выделено из общего комплекса государственного управления в качестве особого института, получавшего свое юридическое основание в имперском законодательстве¹⁸.

«Первенствующее» положение Русской православной церкви находило свое выражение в том, что церковные праздники имели значение государственных. В эти дни государственные учреждения и учебные заведения были закрыты, запрещалось совершать наказания по судебным приговорам. К праздничным дням в соответствии с законом были отнесены все воскресные дни в году, все так называемые двенадцатые праздники, некоторые дни памяти нарочитых святых (например, день Николая Чудотворца 9 мая и 6 декабря, день апостолов Петра и Павла 29 июня и др.); пятница и суббота сырной недели, четверг, пятница и суббота страстной недели, вся пасхальная неделя, время с 23 декабря по 2 января¹⁹.

Подтверждением исключительного статуса Русской православной церкви стали привилегии, которых не имели «иностранные исповедания». Например, только Русская православная церковь обладала правом миссии среди неправославного населения империи, религиозно «иным» миссионерство было запрещено. В законе отмечалось: «В пределах государства одна господствующая Православная церковь имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере (а). Духовные же и светские лица прочих христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовных законах определенным»²⁰. Следует отметить также, что дети от смешанных браков православных с инославными должны были оставаться православными²¹.

Составной частью исключительных привилегий Русской православной церкви являлась правовая защита ее внутренних и внешних границ от миссионерской деятельности «иных» и «чужих». С этой целью законодателем был запрещен выход из «господствующей» Церкви: «Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер запрещается отступить от нея и принять иную веру, хотя бы то и христианскую»²². Следовательно, отказ от членства в Церкви и попытка присоединиться к какому-либо «иностранным исповеданию» считалась незаконной. В случае же «сращения» из православия в инославие, иноверие или «раскол» предусматривались различные меры уголовного и административного наказания²³.

¹⁷ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1. Ст. 43; Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Казань, 1888. С. 231; Попов А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 445, 508.

¹⁸ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. С. 120; Устав духовных консисторий. СПб., 1843. С. 1–2.

¹⁹ Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XIV. Ст. 30; Бердников И.С. Краткий курс церковного права. С. 242.

²⁰ Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 1. Ст. 4.

²¹ ПСЗРИ. I. Т. VI. № 3798.

²² Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XIV. Ст. 47; Красножен М. Иноверцы на Руси. Т. 1. С. 162.

²³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XV. Ст. 200–229.

«Господствующий» статус Русской православной церкви, определявший понятие «свой», свидетельствовал также о том, что Российское государство признавало исключительную роль Церкви не только в религиозно-правовом, но и в историческом, политическом и этнокультурном отношении. Наделяя Русскую православную церковь исключительными привилегиями, законодатель и интерпретаторы традиционно отмечали, что «православной религией определяется все историческое развитие русского народа», что «под непосредственным воздействием православной религии искони складывалось и складывается общее направление умственного и нравственного развития русского народа и главнейшие формы его социального строя: жизнь семейная, экономическая, государственная». Православная религия рассматривалась как «национальная вера» русских государей и русского народа, «самая живая сила русской национальности» и один из «главных устоев русской государственности»²⁴. Представления о православии как одном из «главных устоев русской государственности» позволяли официально именовать «терпимые исповедания» «иностранными», несмотря на то что некоторые из них имели долгую историю пребывания в составе России²⁵.

Таким образом, на высшем законодательном уровне Русская православная церковь представляла в двух ипостасях, во-первых, как Церковь истинная и единосвятительная, во-вторых, как социальная, национальная и моральная сила, исторически играющая исключительную созидательную роль в жизни русского народа и государства. Утвержденная имперским законодательством в качестве «своей», Русская православная церковь являлась главным объектом защиты в сфере религиозной безопасности России.

Институт веротерпимости как инструмент религиозной безопасности Российской империи

Святейший Синод, учрежденный в 1721 г. Петром I для управления Русской православной церковью, и его дальнейшее юридическое закрепление в российском законодательстве стали своеобразным образцом для создания института права и управления делами инославных христианских и иноверных исповеданий империи.

Наделив Русскую православную церковь исключительным правовым статусом, законодатель сформулировал также основные принципы религиозной свободы для «иных», то есть неправославных подданных империи. Так, статья 44 «Основных государственных законов» Российской империи гласила: «Все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского Государства, природные (а) и в подданство принятые (б), также иностранцы, состоящие в Российской службе, или временно в России пребывающие (в), пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их Веры и богослужения по обрядам оной».

В статье 45 «Основных государственных законов» говорилось следующее: «Свобода Веры присвоается не токмо Христианам иноверных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и язычникам (а): да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов, и моля Творца вселенной об умножении благоденствия и укреплении силы Империи (б)»²⁶.

Управление «иноверных исповеданий», как и в случае со Святейшим Синодом, было выделено из общего комплекса государственного управления в качестве особого института права и управления, получавшего свою легитимность в «Основных государ-

²⁴ См.: Добротин Г. П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 88; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 215. Л. 19–21; Там же. Оп. 150. Д. 7. Л. 238.

²⁵ Рейснер М.А. Государство и верующая личность. СПб., 1905. С. 193.

²⁶ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1. Ст. 44–45.

ственных законах». Статья 46 гласила: «Дела церковные иноверных исповеданий в Империи Российской ведаются их Духовными властями и особенными Правительствами, Верховною Властью к сему предназначенными». В примечании к этой статье «Свода государственных законов» 1832 г. указывалось на «особое Учреждение об Управлении иноверных исповеданий», и что «Правила охранения веротерпимости и пределы ее подробно означены в IV Части Свода Уставов Благочиния»²⁷.

В «Основных государственных законах» издания 1857 г. статья 46 и примечания к ней получили несколько иную формулировку. В новой редакции статья звучала так: «Дела церковные христиан иностранных исповеданий и иноверцев в империи Российской ведаются их духовными властями и особенными правительствами, верховной властью к сему предназначенными». В примечании к статье было указано, что: «Правила охранения веротерпимости и пределы ее подробно означены в Уставах по принадлежности». В качестве таковых указывались: «Свод постановлений о управлении духовных дел иностранных христианских исповеданий и иноверческих, также Устав о предупреждении и пресечении преступлений»²⁸.

Различия в формулировках статьи 46 «Основных государственных законов» в изданиях Свода законов Российской империи 1832 и 1857 гг. стали юридическим свидетельством того, что процесс административно-правового строительства института имперской веротерпимости, начатый в эпоху Петра I, был практически завершен в царствование Николая I.

Начало создания института веротерпимости было положено еще в период Московского царства, для которого были характерны протоимперские традиции терпимости к инославным христианам и иноверцам²⁹. Русский правовед М. Красножен отмечал в начале XX в.: «Отношение русской государственной власти к иноверцам на всем пространстве истории Русского государства определялось двумя принципами: охранением господствующей Православной веры, с одной стороны, и полной веротерпимостью к иноверцам и невмешательством во внутреннюю церковную жизнь их, с другой стороны»³⁰.

На исторически традиционный характер российской веротерпимости указывал и авторитетный специалист по церковному праву дореволюционной России А.С. Павлов: «Но если русские государственные законы не допускают образования сект или расколов внутри господствующей Православной церкви, то у нас всегда терпимы были, в большей или меньшей мере, другие христианские вероисповедания *иноземного* (курсив автора) происхождения»³¹. Отсутствие практики принудительного обращения инославных христиан-иностранцев в православную веру свидетельствует о том, что и русский царь, и Русская православная церковь считали их «иными», а не «чужими», относясь к ним в соответствии со сложившимися традициями веротерпимости.

²⁷ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1. Ст. 46.

²⁸ Там же. СПб., 1857. Т. 1. Ч. 1. Ст. 46.

²⁹ Цветаев Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 94, 290; Соколов И.И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М., 1880. С. 28; Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии. Ярославль, 1898. С. 6; Смолч И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. С. 120; Nolte H.H. *Religiöse Toleranz in Rußland 1600–1725*. Göttingen, Zürich, Frankfurt am Main, 1969. С. 185–192; Джераси Р. Окно на Восток. Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013; Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVIII в. Чебоксары, 2000.

³⁰ Красножен М.Е. Иноверцы на Руси. Т. 1. С. 151.

³¹ Павлов А.С. Курс церковного права. С. 527–528.

В эпоху Петра Великого процесс создания государственного института веротерпимости, его законодательства и административной структуры управления носил ситуативный характер и был вызван потребностями модернизации России, для участия в которой приглашались иностранцы (протестанты и католики) из Западной Европы. Религиозное законодательство первого императора, опиравшееся на московские традиции веротерпимости, гарантировало иностранным специалистам и протестантам присоединенных к России Эстляндии и Лифляндии свободу религиозной совести и разрешало свободное отправление богослужений³². Для того, чтобы новообретенные инославные подданные империи, оставаясь религиозно «иными», не превратились в религиозно «чужих», в имперском законодательстве о веротерпимости неизменно сохранялась византийско-московская норма права, запрещавшая прозелитизм в отношении членов «господствующей» Церкви³³.

В период правления императрицы Екатерины II процесс строительства института веротерпимости приобрел системный характер, чему способствовали территориальные приобретения и переселенческая политика Екатерины. В результате трех разделов Речи Посполитой в число подданных Российской империи вошло большое количество римо-католиков и униатов, а также многочисленная иудейская община. В это же время стали возникать обширные поселения немецких колонистов в Поволжье и Новороссии, колонии иностранцев в Москве и Санкт-Петербурге. В 1783 г. к Российской империи был присоединен Крым, населенный мусульманами и караимами. Новые народы, входившие в состав стремительно растущей империи, императорскими указами получали право на свободу веры и отправления богослужений³⁴.

«Просвещенный абсолютизм» Екатерины II нашел свое правовое воплощение в принципах веротерпимости, которые легли в основу последующего имперского законодательства, регулировавшего отношения государства с «иноверными исповеданиями»³⁵. В ответе генерал-прокурору Сената А.А. Вяземскому в 1773 г. Екатерина так сформулировала свое понимание веротерпимости: «Как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и ее величество из тех же правил, сходясь Его святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтобы между подданными всегда любовь и согласие царствовало»³⁶.

Особую актуальность правовая реализация принципов имперской веротерпимости приобрела на территориях бывшей Речи Посполитой, присоединенных к Российской империи в 1772–1795 гг. Российское государство должно было политически и юридически преодолевать негативный опыт прошлого, когда Русская православная церковь и протестантские общины на этих территориях были объектом длительной правовой дискриминации и религиозных гонений со стороны Римско-католической церкви, польского государства, а также магнатов и шляхты.

Следует отметить, что в период «просвещенного абсолютизма» произошли перемены не только в религиозном законодательстве, но и в составе центральных орга-

³² Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России. М., 2000. С. 26; Смолич И.К. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 2. С. 359; Лукьянов С.А. Веротерпимость в России петровской эпохи // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 7. С. 162–165.

³³ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. О государственном устройстве. Собр. соч.: в 7 т. СПб., 1901. Т. 7. Ч. 1. С. 334.

³⁴ Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея. 1898. Кн. 76. С. 153–154; Ревуненкова Н.В. Протестантизм. СПб., 2007. С. 52; Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Т. II. СПб, 1876. С. 3–4; Арапов Д.Ю. Екатерина II и положение ислама и мусульман в Российской империи – Сподвижники Великой Екатерины. М., 1997. С. 4; ПСЗРИ. I. Т. XIX. № 13865. П.1; АВПИР. Ф. 136. Оп. 890. Д. 1. Л. 25.

³⁵ ПСЗРИ. I. Т. XXII. № 16188.

³⁶ Смолич И.К. История Русской Церкви. С. 202.

нов управления империи, которые ведали делами «иноверных исповеданий». Создание законодательных основ института имперской веротерпимости вызвало, в свою очередь, необходимость в создании особого административного аппарата, призванного управлять многочисленными религиозными общинами инославных христиан и иноверцев. Этот процесс, начавшийся по инициативе Петра I и продолженный в правление Екатерины II, привел к упорядочению деятельности государственных органов управления и формированию инославной и иноверной духовной бюрократии, составивших в совокупности административную основу института веротерпимости.

Императрица вывела из ведения Святейшего Синода управление «иноверными исповеданиями» и передала эти функции Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел с той целью, чтобы решение вопросов «свободы веры» соответствовало, в первую очередь, государственным интересам. В то же время указом Екатерины II в 1775 г. была учреждена Могилевская римско-католическая консистория, преобразованная затем в Римско-католическую духовную коллегия. В 1788 г. в г. Уфе был создан коллегиальный духовный орган, управлявший делами российских мусульман – Духовное собрание магометанского закона, которое с 1796 г. стало именоваться Оренбургским духовным магометанского закона собранием.

Начался процесс интеграции «иной» духовной бюрократии в состав государственных органов управления формирующегося института веротерпимости, который создавался в качестве государственно-религиозного инструмента строительства стремительно расширяющейся и модернизирующейся Российской империи. Вместе с тем вестернизированный институт веротерпимости, основы которого были заложены Екатериной Великой, был призван обеспечивать религиозную безопасность империи, защищая Русскую православную церковь от прозелитизма, предотвращая и решая религиозно-этнические конфликты между «своими» и «иными» на инкорпорируемых территориях.

Московские, протоимперские традиции веротерпимости в эпоху Екатерины Великой приобрели качественно иное институциональное измерение, благодаря которому были созданы необходимые правовые и административные условия для интеграции в российское общество миллионов религиозно «иных», входивших в состав подданных растущей евразийской империи.

Процесс строительства имперского института веротерпимости был продолжен в правление императоров Павла I и Александра I³⁷. Следует отметить особый вклад императора Александра I в создание в 1810 г. функционально специализированного ведомства в разработанной М.М. Сперанским министерской системе управления Российской империей. Единым бюрократическим учреждением, в котором были сосредоточены основные функции управления институтом веротерпимости, стало Главное управление духовных дел исповеданий, отличных от греко-российского. Несколько позже, в 1832 г., Главное управление духовных дел было преобразовано в Департамент духовных дел и включено в состав Министерства внутренних дел, возглавляемого Д.Н. Блудовым³⁸.

В период правления императора Николая I, наряду с административным аппаратом и духовной бюрократией, была сформирована законодательная база инсти-

³⁷ Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Т. II. СПб., 1876. С. 102; Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий... С. 261–262; ПСЗРИ. I. Т. XXV. № 18733–18734; ПСЗРИ. I. Т. XXIV. № 17879.

³⁸ Терюкова Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 205; Арапов Д.Ю., Пономарев В.П. Департамент духовных дел иностранных исповеданий // Православная энциклопедия. Т. XIV. М., 2006. С. 419; Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий... С. 271.

тута веротерпимости, включавшая в себя, как уже отмечалось выше, наряду с Основными государственными законами, уставы духовных дел иностранных исповеданий и устав предупреждения и пресечения преступлений³⁹. Новое религиозное законодательство империи учитывало особенности внутреннего устройства и управления, которые были характерны для «иностранных исповеданий». Как отмечалось в «Записке о способе пересмотра действующих распоряжений, стеснительных для религиозного быта инославного и иноверного населения», составленной МВД в декабре 1904 г.: «первоначальное возникновение уставов некоторых церквей евангелически-лютеранской в 1832 г., армяно-грегорианской в 1836 г., представляло собой, главным образом, кодификацию церковно-правовых норм, как существовавших в данной религиозной общине, так и предложенные ее представителями в момент приобщения общины к правовому строю Русского государства. Не изменяя сущности таких норм, выработанных чуждой России жизнью, правительство целиком переносило их в свой кодекс»⁴⁰.

Таким образом, нормы церковного права (для христианских конфессий), и правила общинного устройства и управления (для нехристианских общин), включенные в «Уставы духовных дел иностранных исповеданий», получали силу российских законов⁴¹. В это же время законодательством были закреплены сословные права и привилегии «инострального» духовенства, организовано государственное финансирование религиозных учреждений и духовной бюрократии, сформировано подразделение МВД со своими специальными функциями управления. Тем самым был создан институциональный механизм обеспечения религиозной безопасности Российской империи, который обеспечивал политическую лояльность ее многочисленных неправославных подданных.

Соотношение правовых статусов «господствующей» Русской церкви и «иностранных исповеданий», включенных в состав института веротерпимости, с точки зрения российского законодательства, укладывалось в дихотомию «свой – иной». Причем степень инаковости «инострального исповедания» зависела от правового статуса его носителя в двухступенчатой иерархии института веротерпимости. Нисходящая иерархия «иностранных исповеданий» выглядела следующим образом:

I. *Христианские церкви*: 1) Римско-католическая и Армяно-католическая, 2) Евангелическо-лютеранская с немецкими колонистскими обществами в Закавказье и с Евангелическо-братским обществом в Прибалтийских (остзейских) губерниях, 3) Евангелическо-аугсбургская, 4) Евангелическо-реформатская, 5) Армяно-грегорианская.

II. *Нехристианские исповедания*: 1) Караимское, 2) Иудейское, 3) Магометанское (шиитское и суннитское), 4) Ламайско-буддистское. Признанными, но лишенными привилегий, были гернгутеры, шотландские и базельские колонисты, меннониты и баптисты Закавказья, сибирские шаманисты и самоеды-язычники⁴².

³⁹ Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч.1. СПб., 1857; Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод Законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XIV. Ст. 92–122; Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008. С. 138.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 8. Л. 148 об.

⁴¹ Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 35. Л. 222.

⁴² Следует обратить внимание на правовое положение перечисленных выше «иностранных исповеданий». По определению МВД: «Положения, определяющие организацию и порядок деятельности этих исповеданий, получили законодательное утверждение и нашли себе место в XI томе Свода законов. Всем этим вероисповеданиям присвоено самим законом значение государственных учреждений. Охранение неприкосновенности их прав и свободы составляет по закону прямую обязанность администрации [...]. Духовные лица всех упомянутых исповеданий считаются состоящими на государственной службе, а потому, с одной стороны пользуются правами, присвоенными последней, с другой,

В установленной государством иерархии религиозной инаковости, в догматическом и каноническом отношении ближе к Русской православной церкви стояли инославные христианские конфессии, а принципиально дальше от нее находились иноверные (нехристианские) общины. Таким образом, все признанные законом неправославные конфессии и религиозные общины в России иерархически делились на высшие – христианские и низшие – нехристианские. Высшие обладали максимальным объемом прав, предусмотренных законодательством института веротерпимости, низшие – минимальным⁴³.

Однако, несмотря на нисходящий характер названной иерархии, оказывавшей воздействие на объем правовых привилегий для каждого исповедания, наличие дихотомии «свой – иной» подтверждалось прежде всего тем, что Русская православная церковь и «иностранные исповедания» являлись субъектами гражданского и религиозного права, которые пользовались защитой и покровительством императора и действовали в рамках российского законодательства⁴⁴.

Еще одним фактором, связующим «своих» и «иных», стало общее включение двух институтов в государственный механизм управления империей. Святейший Синод находился в подчинении верховной власти императора и обер-прокурора. Институт веротерпимости подчинялся императору и находился в ведении МВД. Установленный законом и политической практикой порядок сосуществования «своих» и «иных», основанный на различиях в правовых статусах Русской православной церкви и «иностранных исповеданий», с государственной точки зрения, представлялся политически целесообразным и функционально эффективным.

Институализация религиозной дискриминации великорусского церковного «раскола»

Принципиально иным было соотношение правового положения «господствующей» Русской церкви и великорусского церковного «раскола», дискриминационное законодательство о котором было составлено в форме действующих правовых норм и «особых административных постановлений»⁴⁵. Религиозные организации «раскола» действовали вне правового поля империи, не признавались законом и подвергались преследованиям, особенно в период правления императора Николая I⁴⁶. Установленная «особыми постановлениями» и религиозной политикой степень государственной враждебности к «расколу» старообрядчества свидетельствовала о существовании оппозиции «свой – чужой», которая имела длительную и трагическую историю⁴⁷.

несут и обязанности, сопряженные с государственной службой». Подробно см.: «Об инославных и иноверных религиозных обществах». См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 127а–128; Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11. Ч. 1; Русская Православная Церковь и право: комментарий. М., 1999. С. 30.

⁴³ Тимашев Н.С. Религиозные преступления по действующему русскому праву. Пг., 1916. С. 15.

⁴⁴ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. М., 1996. Кн. 8. Ч. 1. С. 120; Добротин Г.П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 88; Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1. Ч. 1. Ст. 44–46; Уставы духовных дел иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XI. Ч. 1; Устав духовных консисторий. СПб., 1843. С. 1–2; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 215. Л. 19–21; РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 238.

⁴⁵ Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Лондон. 1860. Вып. 1. С. 185–187; Смирнов П.С. История русского раскола старообрядства. СПб., 1895. С. 217–223.

⁴⁶ Смирнов П.С. История русского раскола... С. 217–223; Блосфельд Г.Э. Положение иноверцев и раскольников согласно Своду законов // Журнал министерства юстиции. 1905. № 3. С. 190–193.

⁴⁷ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М., 2009. Т. 1. С. 242–252, 299–320; Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 101–104, 110–115.

Старообрядцы-великороссы, будучи, в основной своей массе, законопослушными подданными российского монарха, с 1667 г. пребывали в состоянии перманентного канонического конфликта с Русской православной церковью, юридически и канонически определяемого как «раскол». Исключительный правовой статус, которым обладала Русская православная церковь в Московском царстве, а затем и в Российской империи, ставил великорусских старообрядцев в положение «чужих» не только с религиозной, но и с политической точек зрения. «Чужой» была для великорусских старообрядцев и «господствующая» Церковь⁴⁸. Следует отметить, что сами старообрядцы никогда не считали себя раскольниками, наоборот, они осознавали себя истинными «чадами единыя святыя, соборныя, апостольския, древлеправославно-кафолическия Церкви», сохраняющими, в отличие от никониан, «древния святоцерковныя предания».

Со второй половины XVII и до конца правления императора Николая I отношение Российского государства к церковному «расколу» претерпело рецидивирующую эволюцию. В Московском царстве после издания в 1685 г. «12 статей царевны Софьи», направленных на полное уничтожение «раскола», старообрядцы стали подвергаться жестоким гонениям, исключавшим какую-либо возможность легального существования их религиозных общин. Со времени правления Петра I нетерпимое отношение государства к «расколу» начало меняться. Монарх, исходя из практических соображений, отменил «12 статей» и легализовал существование зарегистрированных «раскольников» в форме жесткого дискриминационного законодательства. С этого времени казни и жестокие религиозные гонения великорусских «раскольников» постепенно пошли на спад⁴⁹.

Императрица Екатерина II расширила пространство веротерпимости для великорусского «раскола», существенно смягчив отношение государства к «раскольникам» до состояния умеренной дискриминации⁵⁰. Однако религиозные общины старообрядцев по-прежнему не признавались легальными ни самой Екатериной, ни императорами Павлом I и Александром I, для чего были религиозные и политические основания.

«Раскольники», включая и сектантов, которые в соответствии с православным вероучением подпадали под категорию «еретиков», рассматривались Русской православной церковью в качестве «церковных мятежников». По словам Н. Суворова, Церковь «смотрит на всякое отделение от нее как на преступное нарушение ее порядка». В свою очередь, и «государство не допускает образования раскольнических и еретических сект в смысле признанных религиозных обществ»⁵¹. При этом следует обратить внимание и на политическое восприятие церковного «раскола», которое усиливало отношение к нему как «чужому» и враждебному. В дореформенный период правительство видело в «расколе» не только «элемент «противоцерковный... но и элемент противогосударственный, противообщественный, «тайных мятежников вообще»⁵².

⁴⁸ Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект, как в религиозном, так и в политическом их значении. Составил Липранди (1853 г.). Лейпциг, 1883. С. 57.

⁴⁹ *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. Т. 2. С. 437–448; *Лилеев. И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1.; *Хронограф Литовский, сиречь Летописец степенный древлеправославного христианства.* Вильнюс, 2011.

⁵⁰ *Смирнов П.С.* История русского раскола старообрядства. СПб., 1895. С. 196; *Смолич И.К.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 2. С. 146.

⁵¹ *Суворов Н.* Учебник церковного права. М., 1902. С. 522; По мнению дореволюционных правоведов С.М. Будзинского и А.Ф. Кистяковского, существовавшее в российском уголовном законодательстве нетерпимое отношение к еретикам и раскольникам носило канонический (церковный) характер и являлось наследием византийского церковно-государственного законодательства. См: *Добротин Г.П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 7.

⁵² *Е.Р.* Русский раскол и законодательство // Вестник Европы. 1880. № 5. С. 72.

В церковных и государственных представлениях этого времени утвердилось мнение, что только принадлежность к «господствующей» Русской церкви способно обеспечить религиозную безопасность государства и сохранить политическую лояльность русского народа своему монарху. «Нынче почти уже стало аксиомой, – пишет Г.П. Добротин, – что Церковь православная служит несокрушимейшим оплотом государства, что верность Церкви есть надежнейшее ручательство и верности государству, кто восстает против Церкви, тот восстает и против государства»⁵³.

Из данного утверждения можно сделать вывод, что государственная дискриминация «раскола», осуществляемая с целью воссоединения его с Русской православной церковью, воспринималась как мера политически целесообразная, способная обеспечить единство Церкви и укрепить религиозную безопасность Российской империи. Следовательно, веротерпимость государства к «расколу», подобно той, которую предоставлял «иностранным исповеданиям» институт веротерпимости, была неприемлема ни политически, ни канонически.

Церковная точка зрения по вопросу о приоритете интересов Русской церкви перед интересами государственной веротерпимости к «расколу» была высказана митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым): «Раскол нельзя уравнивать с положением существующих в государстве различных вер. Раскол не может идти в сравнение с терпимыми в России исповеданиями, которые не скрывают перед правительством своих учений и не касаются коренного русского населения. Напротив того, раскольники в действиях своих не дают правительству отчета и, по духу своего прозелитизма, никогда не разграничатся с православными»⁵⁴.

Следует отметить, что одним из средств преодоления «раскола» и восстановления религиозно-этнического единства русского народа являлась церковная миссия, которая находилась в ведении Святейшего Синода РПЦ и епархиальных архиереев⁵⁵. Церковной попыткой преодолеть «раскол» стало появление в начале XIX в. единоверия, которое считалось «условным единением» старообрядцев с Русской православной церковью на основе сохранения у единоверцев старого обряда. Однако длительный опыт «условного единения» не принес для Русской православной церкви существенных результатов⁵⁶.

Рецидив религиозной нетерпимости к великорусскому «расколу» произошел во время правления Николая I. Император признал общины старообрядцев и сектантов «вредными» не только для Русской церкви, но и для Российского государства⁵⁷. В дополнение к существующему законодательству и политической практике начался процесс создания секретного института правовой дискриминации, политическая и религиозная цель которого заключалась в полном уничтожении «раскола»⁵⁸. Для организации и функционирования этого института была создана особая

⁵³ Добротин Г.П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 89–90.

⁵⁴ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. М., 1887. Т. V. Ч. 2. С. 465–466.

⁵⁵ Смолич И.К. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 2. С. 154–166.

⁵⁶ Миролобов И., Саранча Е. Единоверие // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVIII. С. 42–43.

⁵⁷ Точки зрения о религиозной и политической враждебности «раскола» придерживался и митрополит Московский Филарет (Дроздов), полагавший, что «охранение Церкви есть охранение государства». Поскольку все, что вредит единству веры, вредит и государству, то и раскол «своим усиленным прозелитизмом непрестанно и явно действует во вред единству церковному, разрушая церковное единомыслие и единодушие и, таким образом, вместе неизбежно действует и во вред единству государственному». Цит. по: Беликов В.И. Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань, 1895. С. 14, 560; Фриз Гр. Пастырь и церковный деятель: святитель Филарет Московский и старообрядческий раскол 1825–1855 гг. // Филаретовский альманах. 2008. С. 122–146.

⁵⁸ Смолич И.К. История Русской Церкви. С. 147, 194; Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 226. Л. 8–9, 24.

правовая база, представлявшая собой комплекс секретных административных распоряжений, направленных на ужесточение регламентации религиозной жизни старообрядцев и сектантов.

Одновременно создавался церковно-бюрократический аппарат для реализации принимаемых решений, во главе которого стоял учрежденный в 1836 г. Секретный комитет по делам о раскольниках, в который входили представители Святейшего Синода, МВД и II Отделения Собственной Его Величества канцелярии. Были созданы и секретные губернские комитеты, в состав которых вошли епархиальный архиерей, губернатор, председатель палаты государственных имуществ и жандармский штаб-офицер. В 1853 г. для централизованного управления губернскими секретными комитетами было создано особое Секретное управление по делам о раскольниках. Умеренная дискриминация, существовавшая до начала правления Николая I, вновь приняла жесткие и масштабные формы. Было запечатано и разрушено более 250 молитвенных домов, закрывались скиты и монастыри, широко применялось административное насилие над совестью старообрядцев и сектантов⁵⁹.

Однако деятельность секретного института дискриминации «раскола» не привела к ожидаемым результатам. «Раскол» уцелел, и массового воссоединения старообрядцев и сектантов с Русской православной церковью так и не произошло. В результате принудительных административных мер религиозно «чужие» не стали ни «иными», ни «своими». Пример деятельности секретного института, созданного одновременно с завершением строительства института веротерпимости, свидетельствует о том, что правовая дискриминация и нетерпимость к великорусскому религиозному меньшинству рассматривалась правительством и церковной иерархией в качестве столь же функционально необходимой для религиозной безопасности государства, как и веротерпимость к «иностранным исповеданиям».

Однако события, связанные с польским восстанием 1863 г., наглядно показали, что религиозно «чужие» великорусские старообрядцы в политическом отношении «чужими» отнюдь не являются. Старообрядцы центральной России и западных губерний поддержали императора Александра II в противостоянии с западноевропейскими государствами и в мерах по подавлению польского восстания. Так, старообрядцы Северо-Западного края приняли участие в вооруженной борьбе с польскими мятежниками, некоторые из них стали жертвами повстанческого террора⁶⁰.

Польское восстание, направленное на расчленение Российской империи, по конфессиональному составу участников было католическим. В качестве идейных вдохновителей восстания выступала экстремистски настроенная часть римско-католического духовенства, которая из религиозно «иных» превратилась в политических врагов Российского государства⁶¹. Приведем слова виленского губернатора

⁵⁹ Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императоре Николае I и Александре II, пополненные запиской Мельникова. Лейпциг, 1882. С. 51; Михайлов А. По вопросу о веротерпимости к расколу // Вестник Европы. 1882. № 3. С. 70–92; Смирнов П.С. История русского раскола старообрядчества. С. 217–223; Васильевский М.Н. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань, 1914; НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 13611. Л. 8; НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31375. Л. 4–5; Там же. Д. 31678. Л. 11.

⁶⁰ Бендин А.Ю. Польский мятеж 1863 г. в судьбах старообрядцев Северо-Западного края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 1. С. 77–92; РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 39. Л. 77; Там же. Д. 41. Л. 63–64; Там же. Д. 51. Л. 38; Виленский вестник. 1863 г. 4 июня.

⁶¹ РГИА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 3. Л. 25; РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 39. Л. 76; Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. 1902. № 6. С. 490, 502–503; Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. М.-Wroclaw, 1964. С. 133; Брянецев П.Д. Польский мятеж 1863 г. С. 66–83; Вестник Юго-Западной и Западной России. 1863. Раздел. IV. Т. IV. С. 62; Лясковский А.И. Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам). Берлин, 1939. С. 80–81.

С.Ф. Панютина: «Злейшим и опаснейшим врагом России во время происходивших беспорядков было римско-католическое духовенство. Забыв о святости своего назначения, оно стало во главе мятежа. Монахи и ксендзы с амвонов проповедовали явный бунт, подстрекали народ к уличным демонстрациям и к пению возмутительных гимнов... Трудно сказать, могли ли бывшие беспорядки принять столь широкие и враждебные формы, если бы католическое духовенство не принимало в них такого непосредственного участия»⁶².

В то же время великорусские старообрядцы, которых подозревали в политической враждебности к России, добровольно встали в ряды ее защитников, став тем, кем они, в массе своей, в действительности, и были, то есть «своими». Политически «своими» для Российского государства считал старообрядцев Северо-Западного края виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев. Во всеподданнейшем отчете императору Александру II, написанному в апреле 1865 г., он писал, что «только сельское население и старообрядцы того края, столь усердно содействовавшие к потушению мятежа, преданы вашему императорскому величеству; так называемая же шляхта, пань и ксендзы были и будут всегдашними нашими врагами»⁶³.

Перемены, произошедшие в российском обществе в начале 1860-х гг., позволили реформаторскому правительству Александра II начать постепенный демонтаж секретного института дискриминации «раскола» и уменьшить административное давление на старообрядцев и сектантов. Начался процесс наделения «раскольников» гражданскими и религиозными правами. 17 апреля 1874 г. последовал императорский указ, который легализовал браки «раскольников». 31 октября 1879 г. император Александр II ввел в действие положение Комитета по делам раскольников (1864 г.), согласно которому МВД получало право негласного разрешения «раскольникам менее вредных сект» ремонтировать свои молитвенные дома, пришедшие в ветхость. 3 мая 1883 г. императором Александром III был издан указ, согласно которому старообрядцам и сектантам была дарованы гражданские права и часть религиозных прав. Однако легализации религиозных общин старообрядцев не произошло, сохранялся и традиционный запрет на «публичное оказательство раскола»⁶⁴.

Правительство, следуя нормам действующего законодательства, считало, что государственная защита «господствующей» Церкви от «вредного» воздействия «раскола» по-прежнему способствует обеспечению религиозной безопасности Российской империи. Понимание этой безопасности выражалось в категориях своей эпохи следующим образом: «Верховная власть, в качестве защитника догматов господствующей веры, не может, конечно, без явного соблазна, поставить в равные условия свободы, как православную церковь, так и учения, прямо отвергающие ее апостольскую иерархию и ей враждебные»⁶⁵.

Впрочем, нельзя сказать, что позиция правительства в этом вопросе оставалась неизменной. Например, комиссия МВД, созданная в 1875 г., пришла к выводу, что великорусский церковный «раскол» не представляет собой внутренней политической угрозы безопасности Российской империи⁶⁶. Старообрядцы еще не подня-

⁶² РГИА. Ф. 1281. Оп. 7. Д. 34. Л. 68.

⁶³ Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. 1902. № 6. С. 496.

⁶⁴ Обзор мероприятий министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903. С. 271–316; Законы о раскольниках и сектантах. М., 1903. С. 1–117; *Введенский А.П.* Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса, 1912. С. 18–21; Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императорах Николае и Александре II, пополненные запиской Мельникова. Лейпциг, 1882. С. 57–58; РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 2. Л. 2–3, 6, 8, 15.

⁶⁵ РГИА. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 8. Л. 29 об.

⁶⁶ Общий журнал Комиссии для всестороннего обсуждения и разработки высочайше утвержденных 16 августа 1864 года предначертаний // Свод действующих постановлений о раскольниках. [Б.м.], [Б.г.].

лись до правового уровня религиозно «иных» и веротерпимых, но уже перестали быть политически «чужими» и враждебными для государства, хотя вплоть до начала XX в. на пути к получению религиозного статуса «иных» сохранялись религиозно-правовые и идейные препятствия⁶⁷.

Политико-правовая эволюция, позволившая вывести государственное отношение к «расколу» на качественно новый уровень веротерпимости, произошла в период пребывания на посту министра внутренних дел князя П.Д. Святополк-Мирского. Изданные императором Николаем II указы «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» от 12 декабря 1904 г. и «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. впервые предоставили религиозным организациям «раскольников» статус легальных. Утвержденная Основными государственными законами и законодательством о веротерпимости «свобода веры», в пространстве которой традиционно действовали «иностранные исповедания», распространялась теперь и на легализованных «раскольников». Последовавший затем указ от 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин» упорядочил процедуру правовой регистрации религиозных организаций старообрядцев и сектантов⁶⁸. Религиозная дискриминация и нетерпимость к «расколу» перестали восприниматься правительством как функционально необходимые меры для защиты религиозной безопасности России.

Частичную модернизацию претерпел и созданный Николаем I институт веротерпимости, так как религиозные права «иностранных исповеданий» расширились за счет сокращения ряда исключительных привилегий «господствующей» Русской церкви. В 1909 г. легальные религиозные организации старообрядцев и сектантов вошли в состав модернизированного института веротерпимости, законодательно превратившись из религиозно «чужих» в религиозно «иных»⁶⁹. В событиях Первой русской революции великорусские старообрядцы выступили на стороне российской монархии, подтвердив, как и в 1863 г., что в политическом отношении они по-прежнему остаются «своими»⁷⁰.

Таким образом, легализованный великорусский «раскол» уже не воспринимался правительством в качестве традиционной религиозной угрозы для «господствующей» Православной церкви. В то же время Русская православная церковь, утратив часть своих исключительных привилегий по защите внешних и внутренних границ, должна была действовать в новых правовых условиях, используя миссионерские методы работы и помощь православных братств.

Выводы

Период правления императора Николая I вошел в историю государственно-религиозных отношений в Российской империи как исходный рубеж, с которого началась завершающая стадия в истории трех институтов («господствующая» Рус-

С. 12–15; Палкин А.С. Проект пересмотра законодательства о старообрядцах, составленный П.А. Валуевым в 1863 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 4 (20). 2017. С. 1–14.

⁶⁷ Смолич И.К. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 8. Ч. 2. С. 148.

⁶⁸ Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 35–36, 424–439.

⁶⁹ НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 13611. Л. 1; Там же. Д. 13813. Л. 1–22; Там же. Д. 14139. Л. 1–47; НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47162. Л. 1–5; Там же. Д. 47382. Л. 19–20; Там же. Д. 47162. Л. 1–22, 47–48; Литовский государственный исторический архив (Далее – ЛГИА). Ф. 378. Оп. 1905. Д. 352. Л. 55; Там же. Л. 92–94.

⁷⁰ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 29–36, 157–161; За первый год вероисповедной свободы в России. СПб., 1907. С. 122–164; Известия и заметки // Прибавления к церковным ведомостям. 1905. № 50. С. 1290–1293, 2211; Задачи Православной церкви на Западе и Юго-Западе России // Журналы и протоколы заседаний высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия. Т. 2. СПб., 1906. С. 285–300.

ская церковь, институт веротерпимости и институт религиозной дискриминации), регламентировавших религиозную жизнь всех подданных государства. Административно-правовые и религиозные различия между названными институтами укладывались в понятийную триаду «свой – иной – чужой».

Выстроенная таким образом иерархия государственно-религиозных институтов права и управления с точки зрения правительства и «господствующей» Церкви представлялась политически целесообразной и функционально необходимой для обеспечения религиозной безопасности Российской империи. Начавшийся в 60-е гг. XIX в. процесс реформирования российского общества затронул сферу государственно-религиозных и межрелигиозных отношений. Стали меняться и представления об угрозах религиозной безопасности Российского государства, основанных на представлениях о религиозно-политической враждебности «раскола».

Законы, принятые в период правления императоров Александра II и Александра III, положили начало процессам постепенной легализации «раскола». Все еще юридически признанные в качестве религиозно «чужих» «раскольники», прежде всего великорусские старообрядцы, уже перестали восприниматься как политически «чужие» и враждебные государству. Законодательство 1905–1906 гг. внесло изменения в сложившуюся триаду межинститутской иерархии. Утрата части исключительных привилегий «господствующей» Православной церкви привела к расширению религиозных прав «иностранных исповеданий», модернизировав тем самым николаевский институт веротерпимости. В этом отношении прежняя дихотомия «свой – иной» сохранила свои основные характеристики.

Кардинальные перемены произошли в межинститутской оппозиции «свой – чужой». Юридически став «иными» и веротерпимыми, легализованные общины старообрядцев и сектантов, разрушили названную понятийную триаду, сняв традиционную оппозицию «свой – чужой» и заменив ее на универсальную дихотомию «свой – иной». С этого времени религиозную безопасность Российской империи обеспечивали два института – «господствующая» Русская церковь и модернизированный институт веротерпимости.

Поступила в редакцию / Received: 01.09.2020.

Библиографический список

- Арапов Д.Ю. Пономарев В.П.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 320–324.
- Арапов Д.Ю.* Исламская политика Екатерины Великой // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2014. № 5. С. 25–37.
- Беликов В.И.* Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1895. 564 с.
- Бендин А.Ю.* Польский мятеж 1863 г. в судьбах старообрядцев Северо-Западного края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 1. С. 77–92.
- Бендин А.Ю.* Феномен российской веротерпимости // Российская история. 2013. № 5. С. 143–149.
- Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск, Изд-во БГУ, 2010. 439 с.
- Бердников И.С.* Краткий курс церковного права. Казань: Типография Императорского университета, 1888. 468 с.
- Блосфельд Г.Э.* Положение иноверцев и раскольников согласно Своду законов // Журнал министерства юстиции. 1905. № 3. С. 190–193.
- Брянцев П.Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1892. 263 с.
- Булавина М.А.* Государственное управление иностранными исповеданиями в Российской империи в XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2014. № 4. С. 5–10.

- Васильевский М.Н.* Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань: Центральная типография, 1914. 254 с.
- Введенский А.П.* Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. Одесса: Типография «Одесских новостей», 1912. 205 с.
- Градовский А.Д.* Начала русского государственного права. О государственном устройстве. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. 433 с.
- Григоренко А.Ю.* «Свой – чужой» в истории религии // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. 2012. № 146. С. 41–47.
- Джераси Р.* Окно на Восток. Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 546 с.
- Добротин Г.П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1896. 112 с.
- Дорская А.А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 143 с.
- Жуков А.В.* Религиозная безопасность как предмет научного дискурса в постсоветской России // Грамота. 2017. № 12. С. 66–71.
- Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. В двух томах. М.: Квадрига, 2009. 688 с.
- Камалова С.Д.* Дихотомия «свои – чужие» в дискурсе палестино-израильского конфликта с позиции лингвистической имагологии (на материале романов Линн Рейд Бэнкс // Научный диалог. 2018. № 2. С. 72–84.
- Каппелер Андреас.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М.: Традиция – Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
- Клобуцкий М.П.* Исследование главных положений основных законов Российской империи в историческом их развитии. Харьков: Университетская типография, 1839. 140 с.
- Красножен М.* Иноверцы на Руси. Положение неправославных христиан в России. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1900. 205 с.
- Кузнецов Н.Д.* Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // Временник Демидовского юридического лицея, 1898. № 5. С. 320–325.
- Куницын И.А.* Правовой статус религиозных объединений в России. М.: Православное дело, 2000. 462 с.
- Курило О.В.* Лютеране в России (XVI–XX вв.). М.: Фонд «Лютеранское Наследие», 2002. 400 с.
- Лебедев В.Б.* Религиозные преступления в законодательстве Российской империи в XVIII – начале XX вв. Псковский юридический ин-т Федеральной службы исполнения наказаний, 2007. 151 с.
- Лилеев И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье. XVII–XVIII вв. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895. 611 с.
- Литтл Д.* Изучение религиозных прав человека: методологические основания // Права человека и религия. Хрестоматия. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2001. С. 150–165.
- Лиценбергер О.А.* Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов: Поволжская Академия государственной службы, 2001. 384 с.
- Лукьянов С.А.* Веротерпимость в России петровской эпохи // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 7. С. 162–165.
- Лясковский А.И.* Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам). Берлин: Арзамас, 1939. 191 с.
- Макаров Д.М.* Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVIII в. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2000. 280 с.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). СПб.: Дм. Буланин, 1999. 548 с.
- Миронов Б.Н.* Церковь и государство до и после Российской революции 1917 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. № 2. С. 646–667.
- Оржеховский И.В., Теплова В.А.* «Польский вопрос» и правительственная политика на территории Беларуси в первой половине XIX в. // Выбранные научные работы БДУ. Минск: [Б.и.], 2001. С. 85–87.
- Павлов А.С.* Курс церковного права. Свято-Троицкая Сергиева лавра: Собственная типография, 1902. 552 с.
- Палкин А.С.* Проект пересмотра законодательства о старообрядцах, составленный П.А. Валувым в 1863 г. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. № 4. С. 1–14.
- Попов Ар.В.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань: Типо-литография императорского университета, 1904. 516 с.

- Ревуненкова Н.В. Протестантизм. СПб.: Питер, 2007. 224 с.
- Рейснер М.А. Государство и верующая личность. СПб.: Изд-во «Общественная польза», 1905. 423 с.
- Романчук А., прот. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. Москва – Минск: Изд-во Общества любителей церковной истории, 2018. 443 с.
- Самыгин С.И. Религиозная безопасность общества в контексте обеспечения религиозной свободы и противодействия религиозному экстремизму // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 4. С. 167–179.
- Сафонов А.А. Государство и конфессии в позднимперской России. Правовые аспекты взаимоотношений. М.: Проспект, 2017. 350 с.
- Сафонов А.А. Государство и Церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. М.: Изд-во Российского государственного торгово-экономического университета, 2011. С. 28–40.
- Смирнов П.С. История русского раскола старообрядства. СПб.: Типография Главного управления делов, 1895. 275 с.
- Смолич И.К. История Русской Церкви. Кн. 8. Часть первая. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 798 с.
- Смолич И.К. История Русской церкви. 1700–1917. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 798 с.
- Соколов И.И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М.: Типография Э. Лиссер и Ю. Роман, 1880. 613 с.
- Субботин Н.И. О сущности и значении раскола в России. СПб.: Синодальная типография, 1892. 50 с.
- Суворов Н. Учебник церковного права. М.: Университетская типография, 1902. 526 с.
- Овчинников А. И., Фоминская М. Д. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 3. С. 7–14.
- Тарасевич И.А. Религиозная безопасность Российской Федерации. Тюмень: [Б.и.], 2013. 288 с.
- Терюкова Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX в.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 200–215.
- Тимашев Н.С. Религиозные преступления по действующему русскому праву. Пг: Государственная типография, 1916. 104 с.
- Тихомиров Л.А. Вероисповедный состав России и обязательность для русского государства исторической вероисповедной политики // Миссионерское обозрение. 1902. № 3. С. 420–445.
- Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 352 с.
- Тишков В.А. И русский, и российский // Вестник Российской нации. 2008–2016. № 51. С. 124–130.
- Толстой Д.А. Римский католицизм в России. СПб.: Издание и типография В.Ф. Демакова, 1876. 139 с.
- Фирсов С.Л. Православное государство и русские старообрядцы-поповцы в эпоху императора Николая I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2009. № 1. С. 6–15.
- Фриз Гр. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи. Сборник статей под ред. П. Рогозного. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 351 с.
- Фриз Гр. Пастырь и церковный деятель: святитель Филарет Московский и старообрядческий раскол 1825–1855 гг. // Филаретовский альманах. М.: ПСТГУ. 2008. С. 180–191.
- Фриз Гр. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. № 4. С. 777–806.
- Цветаев Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М.: Университетская типография (М. Катков), 1886. 462 с.
- Шавельский Г., прот. Последнее воссоединение с Православной церковью униатов Белорусской епархии. СПб.: Типография «Сельского вестника», 1910. 380 с.
- Geraci R.P., Khodarkovsky M. O Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia. Ithaca and London.: Cornell University Press, 2001. 368 p.
- Nolte H.H. Religiöse Toleranz in Rußland 1600–1725. Göttingen, Zürich, Frankfurt am Main: Muster-schmidt-Verlag, 1969. 216 p.
- Tuchtenhagen R. Religion als minderer Status. Die Reform der Gesetzgebung gegenüber religiösen Minderheit in der verfaßten Gesellschaft des Russischen Reiches 1905–1917. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995. 350 p.

References

- Arapov, D.Yu. “V.P. Ponomarev Departament dukhovnykh del inostrannykh ispovedaniy.” In *Pravoslav-naya entsiklopediya*, 320–324. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2006 (in Russian).
- Arapov, D.Yu. “Islamic politics of Catherine the Great.” *Moscow University Bulletin. History*, no. 5 (2014): 25–37 (in Russian).
- Belikov, V.I. *Deyatel'nost' moskovskogo mitropolita Filareta po otnosheniyu k raskolu*. Kazan': Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta Publ., 1895 (in Russian).
- Bendin, A.Yu. “Evolyutsiya ponyatiya veroterpimosti i Ukaz 17 aprelya 1905 g.” In *Istoricheskiye zapiski*, 202–215. Moscow: Nauka Publ., 2006 (in Russian).
- Bendin A.Yu. “Polish revolt of 1863 in destinies of old believers of the northwest territory of Russian Empire.” *RUDN Journal of Russian History*, no. 1 (2011): 77–92 (in Russian).
- Bendin, A.Yu. “The phenomenon of Russian religious tolerance.” *Russian History*, no. 5 (2013): 143–149 (in Russian).
- Bendin, A.Yu. *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom kraye Rossiyskoy imperii (1863–1914 gg.)*. Minsk: BGU Publ., 2010 (in Russian).
- Berdnikov, I.S. *Kratkiy kurs tserkovnogo prava*. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta Publ., 1888 (in Russian).
- Blosfel'd, G.E. “Polozheniye inovertsev i raskol'nikov soglasno Svodu zakonov.” *Zhurnal ministerstva yustitsii*, no. 3 (1905): 190–193 (in Russian).
- Bryantsev, P.D. *Pol'skiy myatezh 1863 g. Vil'na*: Tipografiya A.G. Syrkin Publ., 1892 (in Russian).
- Bulavina, M.A. “State heterodox management in the Russian Empire in XIX century.” *RUDN Journal of Public Administration*, no. 4 (2014): 5–10 (in Russian).
- Dzherasi, R. *Okno na Vostok. Imperiya, oriyentalizm, natsiya i religiya v Rossii*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2013 (in Russian).
- Dobrotin, G.P. *Zakon i svoboda sovesti v otnoshenii k lzheucheniyu i raskolu*. Kiyev: Tipografiya S.V. Kul'zhenko Publ., 1896 (in Russian).
- Dorskaya, A.A. *Svoboda sovesti v Rossii: sud'ba zakonoproektov nachala XX veka*. St. Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2001 (in Russian).
- Firsov, S.L. “The Orthodox State and Russian Old Believers-Priests in the Epoch of Emperor Nicholas I.” *Vestnik of Saint Petersburg University*, no. 1 (2009): 6–15 (in Russian).
- Friz, Gr. «Gubitel'noye blagochestiye»: Rossiyskaya tserkov' i padeniye imperii. *Sbornik statey pod red. P. Rogoznogo*. St. Petersburg: Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2019 (in Russian).
- Friz, Gr. “Pastyr' i tserkovnyy deyatel': svyatitel' Filaret Moskovskiy i staroobryadcheskiy raskol 1825–1855 gg.” In *Filaretovskiy al'manakh*, 180–191. Moscow: PSTGU Publ., 2008 (in Russian).
- Friz, Gr. “Religious policy of the Russian Empire in the Baltics.” *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 62, no. 2 (2017): 777–806 (in Russian).
- Gradovskiy, A.D. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. O gosudarstvennom ustroystve*. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha Publ., 1907 (in Russian).
- Grigorenko, A.Yu. “«Friend» or «Foe» in the History of Religion.” *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 146 (2012): 41–47 (in Russian).
- Geraci, R.P., and Khodarkovsky, M.O. *Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001.
- Kamalova, S.D. “The dichotomy “friends and foes” in the discourse of the Palestine-Israeli conflict from the standpoint of linguistic Imagology (based on the novels by Lynn Reid Banks).” *Scientific Dialogue*, no. 2 (2018): 72–84 (in Russian).
- Kappeler, Andreas. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknoveniye. Istoriya. Raspad*. Moscow: Traditsiya – Progress-Traditsiya Publ., 2000 (in Russian).
- Klobutskiy, M.P. *Issledovaniye glavnykh polozheniy osnovnykh zakonov Rossiyskoy imperii v istoricheskom ikh razvitii*. Khar'kov: Universitetskaya tipografiya Publ., 1839 (in Russian).
- Krasnozhen, M. *Inovertsy na Rusi. Polozheniye nepravoslavnykh khristian v Rossii*. Yur'yev: Tipografiya K. Mattisena Publ., 1900 (in Russian).
- Kuznetsov, N.D. “Upravleniye delami inostrannykh ispovedaniy v Rossii v yego istoricheskom razvitii.” *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya*, no. 5 (1898): 320–325 (in Russian).
- Kunitsyn, I.A. *Pravovoy status religioznykh ob'yedineniy v Rossii*. Moscow: Pravoslavnoye delo Publ., 2000 (in Russian).
- Kurilo, O.V. *Lyuterane v Rossii (XVI–XX vv.)*. Moscow: Lyuteranskoye Naslediye Publ., 2002 (in Russian).
- Lebedev, V.B. *Religioznyye prestupleniya v zakonodatel'stve Rossiyskoy imperii v XVIII – nachale XX vv.* Pskov: Pskovskiy yuridicheskiy in-t Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy Publ., 2007 (in Russian).

- Lilejev, I. *Iz istorii raskola na Vetke i v Starodub'ye. XVII – XVIII vv.* Kiyev: G.T. Korchak-Novitskogo Publ., 1895 (in Russian).
- Littl, D. “Izucheniye religioznykh prav cheloveka: metodologicheskiye osnovaniya.» In *Prava cheloveka i religiya. Khrestomatiya*, 150–175. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy in-t sv. apostola Andreya Publ., 2001 (in Russian).
- Litsenberger, O.A. *Rimsko-katolicheskaya tserkov' v Rossii: istoriya i pravovoye polozheniye.* Saratov: Povolzhskaya Akademiya gosudarstvennoy sluzhby Publ., 2001 (in Russian).
- Luk'yanov, S.A. “Tolerance in Russia during the Petra the Great era.” *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 7 (2008): 162–165 (in Russian).
- Lyaskovskiy, A.I. *Litva i Belorussiya v vosstanii 1863 g. (po novym arkhivnym materialam).* Berlin: Arzamas Publ., 1939 (in Russian).
- Makarov, D.M. *Samoderzhaviye i khristianizatsiya narodov Srednego Povolzh'ya vo vtoroy polovine XVI – XVIII v.* Cheboksary: Chuvashskogo universiteta Publ., 2000 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nach. XX vv.).* St. Petersburg: Dm. Bulanin Publ., 1999 (in Russian).
- Mironov, B.N. “Church and State before and after the Russian Revolution of 1917.” *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 65, no. 2 (2020): 646–667 (in Russian).
- Nolte, H.H. *Religiöse Toleranz in Rußland 1600–1725.* Göttingen, Zürich, Frankfurt am Main: Muster-schmidt-Verlag, 1969 (in German).
- Orzhekhovskiy, I.V., and Teplova, V.A. “«Pol'skiy vopros» i pravitel'stvennaya politika na territorii Belarusi v pervoy polovine XIX v.” In *Vybrannya navukovyya pratsy BDU*, 85–87. Minsk: [N.s.], 2001 (in Russian).
- Ovchinnikov, A.I., and Fominskaya, M.D. “Religious security of Russia and the role of law in ensuring.” *North Caucasian Legal Bulletin*, no. 3 (2014): 7–14 (in Russian).
- Pavlov, A.S. *Kurs tserkovnogo prava.* Svyato-Troitskaya Sergiyeva lavra: Sobstvennaya tipografiya Publ., 1902 (in Russian).
- Palkin, A.S. “P.A. Valuev's Planned Review of the Legislation on Old Believers in 1863.” *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, no. 4 (2017): 1–14 (in Russian).
- Popov, Ar.V. *Sud i nakazaniya za prestupleniya protiv very i npravstvennosti po ruskomu pravu.* Kazan': Tipo-litografiya imperatorskogo universiteta Publ., 1904 (in Russian).
- Revunenkov, N.V. *Protestantizm.* St. Petersburg: Piter Publ., 2007 (in Russian).
- Reysner, M.A. *Gosudarstvo i veruyushchaya lichnost'.* St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za Publ., 1905 (in Russian).
- Romanchuk, A., prot. *Vysokopreosvyashchenny Iosif (Semashko), mitropolit Litovskiy i Vilenskiy: ocherk zhizni i tserkovno-obshchestvennoy deyatel'nosti.* Moscow; Minsk: Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii Publ., 2018 (in Russian).
- Samygin, S.I. “Religious safety of the society in terms of providing the religious freedom and counter religious extremism.” *Humanities of the South of Russia* 6, no. 4 (2017): 167–179 (in Russian).
- Safonov, A.A. *Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoy Rossii. Pravovyye aspekty vzaimootnosheniy.* Moscow: Prospekt Publ., 2017 (in Russian).
- Safonov, A.A. “Gosudarstvo i Tserkov' v imperskoy Rossii: pravovyye aspekty vzaimootnosheniy.” In *Gosudarstvo, tserkov', pravo: konstitutsionno-pravovyye i bogoslovskiyе problemy: IX Rumyantsevskiyе chteniya*, 28–40. Moscow: Rossiyskogo gosudarstvennogo torгово-ekonomicheskogo universiteta Publ., 2011 (in Russian).
- Shavel'skiy, G., prot. *Posledneye vossoyedeniye s Pravoslavnoy tserkov'yu uniatov Belorusskoy yepar-khii.* St. Petersburg: Sel'skogo vestnika Publ., 1910 (in Russian).
- Smirnov, P.S. *Istoriya russkogo raskola staroobryadstva.* St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov Publ., 1895 (in Russian).
- Smolich, I.K. *Istoriya Russkoy Tserkvi. Kn. 8. Chast' pervaya.* Moscow: Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 1996 (in Russian).
- Smolich, I.K. *Istoriya Russkoy tserkvi. 1700–1917.* Moscow: Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya Publ., 1997 (in Russian).
- Sokolov, I.I. *Otnosheniye protestantizma k Rossii v XVI i XVII vekakh.* Moscow: Tipografiya E. Lissner i Yu. Roman Publ., 1880 (in Russian).
- Subbotin, N.I. *O sushchnosti i znachenii raskola v Rossii.* St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya Publ., 1892 (in Russian).
- Suvorov, N. *Uchebnik tserkovnogo prava.* Moscow: Universitetskaya tipografiya Publ., 1902 (in Russian).
- Tarasevich, I.A. *Religioznaya bezopasnost' Rossiyskoy Federatsii.* Tyumen': [N.s.], 2013 (in Russian).

- Teryukova, Ye.A. “Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions and Ethno-Confessional Policy of the Russian State (XVIII – early XX century).” *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, no. 4 (2010): 200–215 (in Russian).
- Timashev, N.S. *Religioznyye prestupleniya po deystviyushchemu russkomu pravu*. Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya Publ., 1916 (in Russian).
- Tikhomirov, L.A. “Veroispovednyy sostav Rossii i obyazatel'nost' dlya russkogo gosudarstva istoricheskoy veroispovednoy politiki.” *Missionerskoye obozreniye*, no. 3 (1902): 420–445 (in Russian).
- Tikhonov, A.K. *Katoliki, musul'mane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX v.* St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2007 (in Russian).
- Tishkov, V.A. “Both Russian and Russian.” *Russian Nation Journal*, no. 51 (2008–2016): 124–130 (in Russian).
- Tolstoy, D.A. *Rimskiy katolitsizm v Rossii*. St. Petersburg: V.F. Demakova Publ., 1876 (in Russian).
- Tsvetayev, D.V. *Iz istorii inostrannykh ispovedaniy v Rossii v XVI i XVII vekakh*. Moscow: Universitetskaya tipografiya (M. Katkov) Publ., 1886 (in Russian).
- Tuchtenhagen, R. *Religion als minderer Status. Die Reform der Gesetzgebung gegenüber religiösen Minderheit in der verfaßten Gesellschaft des Russischen Reiches 1905–1917*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995 (in German).
- Vasil'yevskiy, M.N. *Gosudarstvennaya sistema otnosheniy k staroobryadcheskomu raskolu v tsarstvovaniye imperatora Nikolaya I*. Kazan': Tsentral'naya tipografiya Publ., 1914 (in Russian).
- Vvedenskiy, A.P. *Deystviyushchiye zakonopolozheniya kasatel'no staroobryadtsev i sektantov*. Odessa: Odesskikh novostey Publ., 1912 (in Russian).
- Zhukov, A.V. “Religious security as a subject of scientific discourse in Post-Soviet Russia.” *Gramota*, no. 12 (2017): 66–71 (in Russian).
- Zen'kovskiy, S.A. *Russkoye staroobryadchestvo. V dvukh tomakh*. Moscow: Kvadriga Publ., 2009 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Бендин Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры богословия Института теологии Белорусского государственного университета (Республика Беларусь).

Alexandre Yu. Bendin, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Theology of the Institute of Theology, Belarusian State University (Republic of Belarus).